

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.8)
EDN [KKFOKU](https://edn.kkforku.ru)
УДК 159.9+316.6

М. П. Китаева¹

¹ Московский институт психологии. Москва, Россия

АНДРОГИННАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современных социальных условиях всё большее значение приобретает андрогинный тип гендерной идентичности, сочетающий феминные и маскулинные черты, выступающий как адаптивный механизм личностной идентификации в условиях размывания традиционных норм. Цель исследования — выявить особенности андрогинных мужчин и женщин, способствующие или затрудняющие их социальную адаптацию. В работе использованы данные эмпирических исследований последнего десятилетия, проведён анализ взаимосвязей между гендерным статусом личности и такими аспектами, как семейные установки, профессиональный выбор, деятельность в коллективе, уровень тревожности и социальное поведение. Установлено, что андрогинный гендерный статус является доминирующим среди представителей разных возрастных групп, особенно среди молодёжи. Образ идеальной женщины всё чаще формируется в русле биархата (принципа гендерного равноправия) и включает андрогинные черты, тогда как образ идеального мужчины остаётся в значительной степени патриархальным, хотя к нему начинают добавляться «феминные» элементы эмоциональной открытости и заботы. Андрогинные личности демонстрируют высокую адаптивность: они успешнее реализуют себя в профессиональной сфере, обладают более широким диапазоном ролевых возможностей и характеризуются повышенной социальной компетентностью. Однако в некоторых контекстах — таких как распределение семейных ролей или восприятие собственной значимости — андрогинность может сопровождаться неопределённостью и внутренним конфликтом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в кадровой работе, органах власти и местного самоуправления, административных структурах, образовательной и психологической консультативной деятельности.

Ключевые слова: андрогинность, феминность, маскулинность, аномия, социальная адаптация, гендерная идентичность, гендерный статус, биархат

Для цитирования: Китаева М. П. Андрогинная гендерная идентичность личности в условиях современного общества // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 99–110. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.8). EDN [KKFOKU](https://edn.kkforku.ru).

Введение. Современное общество по множеству социальных параметров является аномичным [1]. Термин «аномия» был введён Э. Дюркгеймом, который определял его как социальное явление, связанное с кризисом ценностей, их рассогласованием, способным привести к социальной дезорганизации, деструкции и различным формам девиантного поведения [2]. Первоначально понятие аномии применялось к анализу общества в целом, однако дальнейшее развитие теории позволило распространить его на различные сферы социальной жизни. В современных социальных науках выделяются дополнительно такие виды аномии, как семейная, экономическая, духовная, политическая, правовая, крими-

нальная, социокультурная, инновационная, а также так называемая нормальная аномия [1].

Аномичные процессы, присущие современному обществу, затрагивают и сферу гендерной идентичности. Одним из её проявлений становится распространение андрогинного гендерного статуса, сочетающего в себе как феминные, так и маскулинные черты личности [3]. Основанная на гендерном статусе типология личности, используемая в нашей работе, разработана и введена в научный аппарат С. Л. Бемом. Она включает в себя три основных типа личности:

- 1) **маскулинный тип**, личность которого определяется преимущественно традиционными в данной культуре мужскими чертами;
- 2) **феминный тип**, личность которого определяется преимущественно традиционными в данной культуре женскими чертами;
- 3) **андрогинный тип**, объединяющий как мужские, так и женские характеристики, обычно ассоциируемые в данной культуре с соответствующими полами [4].

Аномичность андрогинного человека коррелирует с трансформацией патриархальной модели социальной организации, основанной на чёткой иерархии: мужчины занимают доминирующие позиции, а женщины — подчинённые. Эта модель традиционно способствовала формированию у мужчин преимущественно маскулинного, а у женщин — феминного типа идентичности. Современные социально-культурные изменения указывают на постепенный переход к биархату — системе, предполагающей гендерное равенство и отсутствие иерархических различий, обусловленных половой принадлежностью. Такой переход создаёт условия для формирования андрогинного типа идентичности [5].

В рамках данного исследования под термином биархат понимается модель социального устройства, включающая принципы гендерного равенства, интерпретируемого как фактическое и юридическое равноправие мужчин и женщин в сферах управления обществом и семьёй.

Аномичность может приводить к состоянию маргинальности, зачастую тяжело переживаемому человеком. Хотя маргинальное положение имеет и положительные аспекты — способствует развитию способности рассматривать любую ситуацию с разных позиций (благодаря одновременной принадлежности к нескольким социальным группам), оно также связано с рядом негативных последствий. К ним относится повышенная эмоциональная лабильность и тревожность, обусловленные отсутствием чётких норм и ценностей. В частности, группы, к которым принадлежит маргинальный индивид, могут транслировать противоречащие или даже противоположные установки, что усиливает внутренние конфликты и неопределённость [6].

Н. А. Чуркина рассматривает андрогинную гендерную идентичность как один из механизмов успешной адаптации личности к условиям современного общества: сочетание в индивиде феминных и маскулинных норм, ценностей и идеалов способствует формированию более гибкой и устойчивой социальной позиции. Особое внимание она уделяет интерпретации феминности и маскулинности через категорию «Свой–Чужой»: принадлежность одновременно к обоим гендерным полюсам (в рамках андрогинного статуса) позволяет снизить уровень тревожности, связанной с восприятием другого пола как чуждого. Это создаёт предпосылки для формирования коллективного субъекта «Мы» как единства человеческого, а не мужского или женского. Кроме того, андрогиния выступает средством преодоления принципа центрации, лежащего в осно-

ве традиционных иерархических представлений о гендере. Она заменяется на принцип децентрации, при котором человек начинает осознавать себя не через противопоставление другим, а через их сходство с собой. Н. А. Чуркина подчёркивает, что андрогиния является естественным продуктом эволюции современного общества; она проявляет особенности обоих полов, которые изначально присущи каждому человеку на генетическом и гормональном уровнях, независимо от его биологического пола [7].

Целью исследования является изучение особенностей андрогинных мужчин и женщин, которые способствуют или затрудняют их социальную адаптацию.

Методология исследования включает историографический и аналитический обзор отечественных публикаций последнего десятилетия, посвящённых взаимосвязи гендерного статуса (феминного, маскулинного, андрогинного) с личностными характеристиками. Результатом проведённого анализа стало формирование целостного представления о преимуществах и ограничениях андрогинного гендерного статуса у мужчин и женщин.

Распространённость андрогинного гендерного статуса. На основании анализа эмпирических исследований можно констатировать, что андрогинный гендерный статус встречается с различной степенью распространённости на разных этапах жизненного цикла человека (см. табл. 1).

Таблица 1

Распространённость андрогинного гендерного статуса у людей разного возраста

Возрастной период	Частота встречаемости андрогинного гендерного статуса, %	Информация об эмпирическом исследовании
Подростковый возраст	49	Рогова Е. Е., Рогов Е. И., 2024 [8]
	80	Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М., 2022 [9]
	81	Васюра С. А., 2016 [10]
Юношество	10–30	Черчес Т. Е., Колас Т. А., 2021 [11]
	23–30	Прайзендорф Е. С., Чижова Е. А., 2019 [12]
	27	Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М., 2022 [9]
	35–60	Горбылева К. В., Зарифьян А. Г., Бебинов Е. М., 2015 [13]
	47–60	Юрченко А. А., 2022 [14]
	63	Харламова Т. М., Макарова М. А., 2022 [15]
	75	Родштейн М. Н., 2019 [16]
Молодость	50	Пахомова В. Б., Бойко А. В., 2022 [17]
	56	Иванова Е. С., Ласнова Д. С., 2016 [18]
	70	Родштейн М. Н., 2019 [16]
	82–85	Барканова О. В., Потапова Е. В., 2016 [19]
Зрелость	70	Родштейн М. Н., 2019 [16]

Анализ данных, представленных в Таблице 1, выявляет возрастные особенности распространённости андрогинного гендерного статуса. Наиболее высокие значения зафиксированы в подростковом и молодом возрасте (до 81 и 85% соответственно), что может быть связано с активным формированием личностной и гендерной идентичности, а также стремлением к преодолению жёстких гендерных стереотипов. В юношеском возрасте наблюдается наибольший разброс значений (от 10 до 75%). Такая вариативность может отражать влияние индивидуальных и социокультурных факторов, включая семейные установки, образовательную среду и уровень гендерной толерантности в обществе. Что касается зрелого возраста, единственное доступное исследование указывает на уровень андрогинности на отметке 70%, что может свидетельствовать о её вневозрастном характере. Однако ввиду недостаточности эмпирической базы по данному возрастному периоду, сделать устойчивые выводы пока не представляется возможным.

Таким образом, андрогинный гендерный статус проявляется как социально-психологический ресурс, особенно выраженный в переходные периоды онтогенеза, когда личность сталкивается с необходимостью выбора, переоценки ценностей и построения целостной модели самоидентификации.

Ещё одним результатом анализа эмпирических исследований стал тот факт, что в большинстве исследований андрогинный гендерный статус является наиболее распространённым в выборках российских респондентов.

Взаимосвязь гендерного статуса и образа идеального мужчины, женщины.

Эмпирическая база демонстрирует наличие чёткой взаимосвязи между гендерным статусом личности и её представлениями об идеальном мужчине и женщине. По данным исследования Д. В. Погонцевой, феминные и андрогинные женщины чаще приписывают образу красивой женщины феминную идентичность, тогда как маскулинные и недифференцированные по гендеру женщины склонны видеть в ней сочетание как феминных, так и маскулинных черт [20]. В свою очередь, исследование М. Н. Родштейна показывает, что мужчины продолжают ассоциировать идеального мужчину с выраженным маскулинным типом [16]. Однако, согласно данным Ш. Сюй, женщины всё чаще ожидают от мужчин проявления не только традиционных маскулинных качеств, но и феминных характеристик, таких как забота, эмоциональная доступность и способность к сопереживанию [21].

Исследование Ю. Г. Тищенко, Н. Ю. Ковалёвой и И. А. Тищенко выявило региональные различия в восприятии гендера: у студентов большого города доля традиционных представлений о феминности и маскулинности составляет — 60%, у студентов города-миллионника доля традиционных представлений снижается до 33%. Также было зафиксировано, что мужчины больше проявляют ингрупповой фаворитизм, чем женщины, и чаще сохраняют чёткое разделение характеристик на «мужские» и «женские». Женщины, напротив, демонстрируют большую гибкость в гендерной дифференциации [22]. Интересно, что по данным исследования А. А. Юрченко, девушкам более характерно приписывать образу мужчин маскулинность, чем юношам [14].

Обобщая, можно отметить, что образ идеального мужчины остаётся в значительной степени патриархальным, однако к нему начинают добавляться ожидания, связанные с проявлением феминных качеств. Что касается идеальной женщины, её образ всё чаще приобретает андрогинные черты.

Более быстрое формирование характерного для биархата андрогинного типа у женщин по сравнению с мужчинами может быть связано с активностью фе-

министских сообществ, которые акцентировали внимание на женских потребностях и правах. В ответ на это в последние годы стали формироваться сообщества, отстаивающие интересы мужчин, что свидетельствует о начале перераспределения внимания к гендерным вопросам в изменённой социальной среде.

Взаимосвязь гендерного статуса и спортивных занятий. Исследования в области спортивной психологии свидетельствуют о наличии взаимосвязи между гендерной идентичностью и физической активностью. Так, Е. Н. Каспарова, Г. В. Скриган, В. И. Дунай и Е. Н. Комиссарова выявили соответствие между типом телосложения спортсмена (мужским или женским) и его гендерной идентичностью: у большинства участников мужской тип телосложения сочетался с маскулинной, а женский — с феминной идентичностью [23].

Кроме того, было установлено, что юноши, регулярно занимающиеся спортом, демонстрируют более выраженные маскулинные черты по сравнению с их сверстниками, не увлекающимися спортом [23]. Это может быть связано как с культурными установками, согласно которым спорт ассоциируется с силой, выносливостью и другими традиционно мужскими качествами, так и с процессами самовыражения и формирования идентичности через физическое развитие.

Взаимосвязь гендерного статуса и самооотношения, тревожности. Результаты ряда исследований указывают на наличие связи между гендерным статусом личности и её уровнем тревожности, самооценкой, а также стратегиями саморегуляции и когнитивными показателями. Согласно исследованию А. С. Семака [24], у феминных девушек и маскулинных юношей зафиксирован более низкий уровень как личностной, так и ситуативной тревожности по сравнению с другими гендерными типами.

В свою очередь Т. Е. Черчес и Т. А. Колас выявили, что у респондентов с недифференцированным типом гендерной идентичности наблюдается несформированность представлений о себе как о целостной личности, тогда как респонденты с андрогинным типом идентичности демонстрируют максимальную адаптивность и положительную самооценку. Для маскулинных женщин и феминных мужчин чаще характерны внутренняя тревога, конфликтность и беспокойство [11].

Исследование Е. О. Канушкиной и С. А. Медведевой позволило установить ряд значимых различий среди женщин 30–35 лет. Уверенность в себе положительно коррелировала: с социальным статусом у феминных и маскулинных женщин; с удовлетворённостью семейным положением у феминных и андрогинных женщин. Высокая удовлетворённость как социальным, так и семейным положением наблюдалась у андрогинных и маскулинных женщин; у феминных женщин этот показатель был ниже. Уверенность в себе намного выше у маскулинных женщин, чем у андрогинных и феминных. Саморуководство проявлялось в большей степени у андрогинных и маскулинных женщин, чем у феминных женщин. У феминных женщин самый высокий уровень самопривязанности, у андрогинных — самый низкий. Внутренняя конфликтность наиболее высока у феминных женщин, намного ниже — у андрогинных и маскулинных. Самообвинение оказалось самым высоким у феминных женщин и минимальным у маскулинных [25].

Важно отметить, что андрогинные мужчины и женщины более склонны к проявлению конструктивного нарциссизма — признанию собственной ценности, реалистичной самооценке и принятию себя [26]. При этом андрогинные юноши по сравнению с маскулинными демонстрируют более высокий уровень тревож-

ности, повышенную самоагрессию и меньший объём кратковременной образной памяти. Маскулинные девушки по сравнению с андрогинными тоже отличаются высоким уровнем тревожности, но лучше распознают наглядный материал, хотя допускают больше ошибок в тестах на избирательность внимания. Андрогинные девушки, в сравнении с андрогинными юношами, проявляют меньшую тревожность, больший объём кратковременной образной памяти и лучшую избирательность внимания [13]. Кроме того, андрогинные юноши и девушки превосходят сверстников с феминным и маскулинным статусом по уровню жизнестойкости, что опосредовано использованием специфического комплекса копинг-стратегий [18]. Также установлено, что лица с маскулинным гендером склонны к заниженной самооценке, с феминным гендером — к завышенной, тогда как у андрогинных индивидов самооценка чаще соответствует реальности [19].

Взаимосвязь гендерного статуса и семейно-ролевых установок. Анализ эмпирических данных демонстрирует тесную взаимосвязь между гендерным статусом личности и её установками на распределение ролей в семье. По данным исследования Е. С. Прайзендорф и Е. А. Чижовой, установки о распределении ролей в семье 46% подростков соответствуют патриархальной схеме, 17% — эгалитарной схеме, 37% являются неопределёнными. При этом отмечено, что 60% девушек предпочитают эгалитарное распределение ролей между партнёрами [12], что указывает на более выраженное стремление к равноправию в семейной жизни по сравнению с юношами.

Исследование М. В. Ретих дополняет эти данные, акцентируя внимание на психологической совместимости в парах с различными гендерными идентичностями [27]. Согласно этому исследованию, мужчины андрогинного типа обладают более высоким индексом психологической совместимости по ролевой адекватности в родительно-воспитательных отношениях по сравнению с мужчинами феминного и маскулинного типов. Андрогинные женщины характеризуются большей поддерживающей позицией в отношениях, чем их маскулинные сверстницы. Что касается совместимости в разных сферах семейной жизни: в хозяйственно-бытовой сфере андрогинная модель семейной пары имеет более низкую согласованность в хозяйственно-бытовой сфере, чем пара, где муж имеет фемининную идентичность, а жена — андрогинную. В то же время андрогинные пары более совместимы в области эмоциональных отношений.

Взаимосвязь гендерного статуса и профессионального выбора. Представляет интерес рассмотреть, как тип гендерной идентичности влияет на профессиональные установки, склонности к определённым видам деятельности и поведение в профессиональной среде.

Согласно исследованиям А. Н. Селюниной и Е. В. Бондаренко, юноши и девушки с андрогинным типом гендерной идентичности чаще выбирают профессии, соответствующие социальному и артистическому типу личности по классификации Холланда. Эти направления предполагают высокую степень гибкости, эмоциональной открытости и способности к адаптации — черты, характерные для андрогинного типа. Подростки с феминной идентичностью избегают профессиональной деятельности, связанной с абстрактными символами, цифрами, таблицами и графиками. Маскулинные подростки не склонны выбирать профессиональную сферу деятельности с творческой направленностью [28],

что может быть связано с культурными установками, в которых творчество часто воспринимается как сфера, требующая «нежных» качеств.

Интересные данные представлены в исследовании Т. М. Харламовой и М. А. Макаровой, согласно которому феминные студенты чаще выражают негативную реакцию на проявления нетерпимости, хамства и несправедливости со стороны представителей маскулинного типа по сравнению с андрогинными участниками исследования [15]. Это может указывать на более высокую чувствительность феминных личностей к этическим аспектам взаимодействия.

Кроме того, установлен потенциально наиболее эффективный вклад в коллективную деятельность в зависимости от типа гендерной идентичности. Фемининный тип может проявить себя в роли генератора идей. Маскулинный — в роли руководителя при реализации этих идей, а также на позициях, требующих авторитарности. Маскулинные типы эффективнее действуют в ситуациях, требующих четкой организации, тогда как феминные — в условиях, предполагающих дипломатичность и демократичность. Андрогинный тип представляет собой наиболее гибкого участника группы, способного выполнять разнообразные функции в зависимости от ситуации [15]. Его многофункциональность обусловлена сочетанием как маскулинных, так и феминных черт, что делает андрогинных личностей ценными участниками профессиональных команд.

Полученные результаты подтверждают, что андрогинная идентичность может служить ресурсом профессиональной адаптации и успешного взаимодействия в условиях многозадачности и изменяющейся профессиональной среды.

Взаимосвязь гендерного статуса и социального поведения. Анализ поведения подростков в социальном взаимодействии показывает, что андрогинные подростки более инициативны в общении, им легче устанавливать контакты с другими людьми, чем их феминным сверстникам. Также уровень удовлетворённости общением наиболее высок у андрогинных подростков и ниже — у маскулинных и феминных [10], что указывает на потенциальное преимущество андрогинности как ресурса социальной адаптации.

Феминные подростки склонны к более строгому следованию нормам и правилам в общении. Они ориентируются на авторитеты, чувствительны к похвалам и упрёкам, полагаются на поддержку окружающих и стремятся сами оказывать заботу и помощь другим, их поведение характеризуется доброжелательностью и готовностью сглаживать конфликты. Маскулинные подростки, согласно этому исследованию, отличаются иным стилем социального взаимодействия. По сравнению с андрогинными сверстниками, они более категоричны, склонны выявлять недостатки в чужих действиях, категорически требуют послушания, отстаивают свой авторитет, не терпят возражений. Они предпочитают действовать на основе фактов, хладнокровного анализа ситуации и логического планирования. Такой стиль может создавать трудности в эмоциональной близости, но обеспечивает эффективность в формальных коммуникациях.

Согласно результатам других исследований, андрогинный тип гендерной идентичности коррелирует с поведенческим и когнитивным одиночеством, обусловленный осознанием своей непонятости окружающими. Для феминных подростков характерны временные и эмоционально окрашенные формы одиночества, связанные с потребностью в поддержке. Подростки с маскулинной гендерной идентичностью могут довольно долго переживать одиночество, так как испытывают трудности в установлении психосоциальных связей [8]. Все

это подчёркивает значение гендерного статуса как фактора, влияющего на особенности социального взаимодействия в подростковом возрасте.

Заключение. Анализ эмпирических данных свидетельствует о том, что андрогинный гендерный статус становится доминирующей моделью идентичности, особенно среди молодёжи. При этом его распространённость зависит от социально-культурного контекста: представители мегаполисов демонстрируют более высокий уровень принятия андрогинных ценностей по сравнению с жителями меньших населённых пунктов.

Современные идеалы мужественности и женственности находятся в состоянии трансформации. Образ идеальной женщины всё чаще приобретает андрогинные черты, соответствующие принципам биархата, тогда как образ мужчины остаётся в значительной степени патриархальным. Однако наблюдается появление феминных качеств у мужчин — таких как эмпатия, забота и эмоциональная доступность.

Андрогинные личности успешнее реализуют себя в командной работе и обладают широким диапазоном профессиональных предпочтений. Если феминные индивиды склонны быть генераторами идей, а маскулинные — эффективными их исполнителями или руководителями, то андрогинные участники отличаются способностью выполнять разнообразные функции в зависимости от ситуации.

В семейной жизни андрогинные пары показывают высокую совместимость в эмоциональной сфере, хотя могут сталкиваться с неопределённостью в распределении бытовых ролей. Это подчёркивает необходимость переосмысления традиционных семейных ролей в условиях изменяющегося социального контекста.

Результаты проведённого исследования о преимуществах и недостатках андрогинного гендерного статуса имеет широкий спектр практического применения: в кадровой политике — для формирования гибких и эффективных команд; в образовании — при разработке программ саморазвития и гендерной грамотности; в психологическом консультировании — при работе с вопросами идентичности и профессиональной самореализации; в государственных структурах — при формировании гендерно-чувствительных программ.

Итак, андрогинная гендерная идентичность выступает маркером социальной динамики, отражающим формирование новой модели личности, сочетающей элементы традиционной феминности и маскулинности. Её изучение открывает возможности для понимания механизмов социальной адаптации, профессиональной самореализации и межличностного взаимодействия в условиях быстро изменяющегося общества.

Библиографический список

1. *Китаева М. П.* Аномия и отчуждение современного человека в изменяющемся мире // Горизонты цивилизации. 2024. № 1(15). С. 42–56. DOI [10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56](https://doi.org/10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56). EDN [WILHXM](https://www.edn.ru/WILHXM).
2. *Напсо М. Д.* Теория аномии Э. Дюркгейма и современность // Социодинамика. 2017. № 2. С. 22–30. DOI [10.7256/2409-7144.2017.2.19456](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456). EDN [YGAMLV](https://www.edn.ru/YGAMLV).
3. *Китаева М. П.* Особенности гендерной идентичности в патриархате и биархате // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : Материалы XI Международной научно-практической конференции, (Иркутск, 24 февраля 2025). Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. С. 318–323. EDN [HKUAFZ](https://www.edn.ru/HKUAFZ).
4. *Бем С. Л.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с. EDN [QXLMST](https://www.edn.ru/QXLMST).

5. Чуркина Н. А. Гендерная социализация в современном обществе // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 5, № 6. С. 90–92. EDN [WHNDBB](#).
6. Китаева М. П. Маргинальность как причина психологического отчуждения в цифровом обществе // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4, № 12. С. 79–86. EDN [DCDTKE](#).
7. Чуркина Н. А. Андрогиная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(79). С. 204–206. EDN [YMSEUV](#).
8. Рогова Е. Е., Рогов Е. И. Взаимосвязь гендерной идентичности и одиночества в подростковом возрасте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 11(237). С. 319–322. EDN [EMZLXH](#).
9. Шурухина Г. А., Митина Г. В., Гизатуллина А. М. Андрогиный тип гендерной идентичности у подростков и юношей: особенности сепарации // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 335–338. EDN [GQVGWR](#).
10. Васюра С. А. Специфика коммуникативной активности подростков разного пола и гендерной идентичности // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2, № 3. С. 16–24. EDN [WXFLJJ](#).
11. Черчес Т. Е., Колас Т. А. Гендерные особенности психологического благополучия студенческой молодежи // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21-4. С. 410–418. EDN [LLNGMC](#).
12. Прайзендорф Е. С., Чижова Е. А. Представления о семейных ролях в контексте формирования гендерной идентичности // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 5(16). С. 33–41. EDN [IHCCQY](#).
13. Горбылева К. В., Зарифьян А. Г., Бебинов Е. М. Влияние типов гендерной идентичности на психофизиологические параметры студентов // Ульяновский медико-биологический журнал. 2015. № 4. С. 79–82. EDN [VEAFPJ](#).
14. Юрченко А. А. Исследование особенностей образа мужчины у современной студенческой молодежи с разной гендерной идентичностью // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2022. № 3. С. 154–165. EDN [MLICES](#).
15. Харламова Т. М., Макарова М. А. Особенности ролевого поведения и статуса в студенческой группе представителей разного типа гендера // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2022. № 1. С. 80–90. DOI [10.24412/2308-717X-2022-1-80-90](#). EDN [ICYINU](#).
16. Родштейн М. Н. Когнитивная модель маскулинности как основание андрогиной гендерной идентификации мужчин // Балканское научное обозрение. 2019. Т. 3, № 4(6). С. 60–63. DOI [10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013](#). EDN [LRUJZT](#).
17. Пахомова В. Б., Бойко А. В. Проявления маскулинности и фемининности у молодых женщин // Студенческий научный форум : материалы Международной студенческой научной конференции (Москва, 12 октября 2021). М. : Евразийская научно-промышленная палата, 2022. Т. 12. С. 47–49. EDN [CHFYZV](#).
18. Иванова Е. С., Ласнова Д. С. Взаимосвязь жизнестойкости и различных типов гендерной идентичности у современной молодежи // Инновации в науке. 2016. № 57-2. С. 66–70. EDN [WACTQF](#).
19. Барканова О. В., Потапова Е. В. Особенности самооценки и представлений о семейных ролях людей с андрогиным гендером // Вестник КГПУ. 2016. № 3(37). С. 131–135. EDN [WVOXOP](#).
20. Погонцева Д. В. Гендерная идентичность женщин и их представления о гендерной идентичности красивой женщины // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 5. С. 41. EDN [SHNPWT](#).
21. Сюй Ш. Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 110–120. EDN [XBGWBV](#).
22. Тищенко Ю. Г., Ковалева Н. Ю., Тищенко И. А. Конструкты маскулинности и фемининности в гендерных представлениях современной студенческой молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 59–66. DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-59-66](#). EDN [GPCMER](#).
23. Каспарова Е. Н., Скриган Г. В., Дунай В. И. Характер соотношения морфологических и поведенческих показателей маскулинности/фемининности в зависимости от занятий спортом // Forcipe. 2020. Т. 3, № 3. С. 19–24. EDN [PFBBZY](#).

24. Семак А. С. Связь гендерной идентичности и уровня тревожности у студентов вуза // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сб. ст. по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 26–28 февраля 2016). Йошкар-Ола : Стринг, 2016. С. 144–149. EDN [YFZFJB](#).
25. Канушкина Е. О., Медведева С. А. Исследование уверенности в себе у женщин среднего возраста // Modern Science. 2021. № 10-1. С. 351–355. EDN [EXPMJW](#).
26. Волобуев В. В., Рядинская Е. Н. Связь гендерной идентичности и нарциссизма // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5, № 3. С. 6–17. DOI [10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17](#). EDN [DBQGTB](#).
27. Ретих М. В. Андрогинная гендерная идентичность личности в контексте психологической совместимости супругов // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2(82). С. 67–71. DOI [10.14258/izvasu\(2014\)2.2-11](#). EDN [TEJXUJ](#).
28. Селюнина А. Н., Бондаренко Е. В. Взаимосвязь гендерной идентичности и профессиональной направленности студентов с разным статусом профессиональной идентичности // Актуальные вопросы развития личности профессионала: идентичность в контексте межкультурной коммуникации: Сб. матер. Международного психологического форума (Самара, 25–26 апреля 2024). Самара : МГПУ, 2024. С. 121–126. DOI [10.55000/IPsF.2024.51.86.022](#). EDN [SBOUYA](#).

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 21.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторе:

Китаева Мария Петровна, доктор психологических наук, кандидат биологических наук, Московский институт психологии. Москва, Россия.

kimape@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1030439](#); ORCID: [0000-0002-1129-5989](#)

M. P. Kitaeva¹

¹ Moscow Institute of Psychology. Moscow, Russia

ANDROGYNOUS GENDER IDENTITY IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIETY

Abstract. In modern social conditions, the androgynous type of gender identity combining feminine and masculine traits is gaining increasing significance as an adaptive mechanism of personal identification in the context of eroding traditional norms. The purpose of the study is to identify characteristics of androgynous men and women that facilitate or hinder their social adaptation. The research draws on data from empirical studies conducted over the past decade and includes an analysis of the interrelations between an individual's gender status and such aspects as family attitudes, professional choice, group activity, anxiety levels, and social behaviour. Findings indicate that androgynous gender status is dominant among individuals of different age groups, especially among young people. The image of the ideal woman is increasingly shaped within the framework of biarchism (the principle of gender equality) and includes androgynous traits, whereas the image of the ideal man remains largely patriarchal, although "feminine" elements such as emotional openness and caring are beginning to emerge. Androgynous individuals demonstrate high adaptability: they are more successful in their professional lives, possess a broader range of role possibilities, and are characterised by increased social competence. However, in certain contexts — such as the distribution of family roles or perception of personal significance — androgyny may be accompanied by uncertainty and internal conflict. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its findings in personnel management, government and local self-government bodies, administrative structures, as well as in educational and psychological counselling activities.

Keywords: androgyny, femininity, masculinity, anomie, social adaptation, gender identity, gender status, biarchism

For citation: Kitaeva M. P. Androgynous gender identity in the context of modern society. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):99–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.8>

References

1. Kitayeva M. P. Anomie and alienation of modern man in a changing world. *Gorizonty tsivilizatsii*. 2024;(1):42–56. (In Russ.). DOI [10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56](https://doi.org/10.47475/2413-0125-2024-15-1-42-56).
2. Napso M. D. Émile Durkheim's theory of anomie and the modernity. *Sociodynamics*. 2017;(2):22–30. (In Russ.). DOI [10.7256/2409-7144.2017.2.19456](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.2.19456).
3. Kitaeva M. P. Features of gender identity in patriarchy and biarchy. In: Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: Resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk State University; 2025. P. 318–323. (In Russ.).
4. Bem S. L. The lenses of gender. Transforming the debate on sexual inequality, Moscow: ROSSPEN; 2024. (In Russ.).
5. Churkina N. A. Gender socialization in modern society. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2016;5(6):90–92. (In Russ.).
6. Kitaeva M. P. Marginality as a cause of psychological alienation in a digital society. *Actual problems of pedagogy and psychology*. 2023;4(12):79–86. (In Russ.).
7. Churkina N. A. Androgyne identity as a method of human adaptation in modern society. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017;(5):204–206. (In Russ.).
8. Rogova E. E., Rogov E. I. The correlation between gender identity and loneliness in adolescence. *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*. 2024;(11):319–322. (In Russ.).
9. Shurukhina N. A., Mitina G. V., Gizatullina A. M. Androgynous type of gender identity in adolescence and youth: characteristics of separation. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022;(77-1):335–338. (In Russ.).
10. Vasyura S. A. Spetsifik of communicative activity of teenagers of a different floor and gender orientation. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. 2016;2(3):16–24. (In Russ.).
11. Cherches T. E., Kolas T. A. Gender features of psychological well-being of student youth. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2021;(21-4):410–418. (In Russ.).
12. Praizendorf E. S., Chizhova E. A. Perceptions of family roles in the context of gender identity formation. *Health, Physical Culture and Sports*. 2019;(5):33–41. (In Russ.).
13. Gorbyleva K. V., Zarifyan A. G., Bebinov E. M. Influence of types of gender identity on psychophysiological parameters of students. *Ulyanovsk Medico-Biological Journal*. 2015;(4):79–82. (In Russ.).
14. Yurchenko A. A. Features of the image of a man among modern students. *Psychology and pedagogy in Crimea: ways of development*. 2022;(3):154–165. (In Russ.).
15. Kharlamova T. M., Makarova M. A. Specificity of role behavior and status in a student group of different gender types. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 2022;(1):80–90. (In Russ.). DOI [10.24412/2308-717X-2022-1-80-90](https://doi.org/10.24412/2308-717X-2022-1-80-90).
16. Rodstein M. N. Cognitive model of masculinity as the basis of androgynous gender identification of men. *Balkan Scientific Review*. 2019;3(4):60–63. (In Russ.). DOI [10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013](https://doi.org/10.34671/SCH.BSR.2019.0304.0013).
17. Pakhomova V. B., Boyko A. V. Manifestations of masculinity and femininity in young women. In: Student Scientific Forum: Proceedings of the International Student Scientific Conference (Moscow, 12 October 2021). Moscow: Eurasian Chamber of Science and Industry; 2022. Vol. 12. P. 47–49. (In Russ.).
18. Ivanova E. S., Lasnova D. S. Interrelation of hardness and various types of modern youth gender identity. *Innovatsii v nauke*. 2016;(57-2):66–70. (In Russ.).
19. Barkanova O. V., Potapova E. V. The features of self-esteem and ideas about family roles of people with an androgyne gender. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. 2016;(3):131–135. (In Russ.).
20. Pogontseva D. V. Gender identity of women and their perceptions of gender identity beautiful woman. *Modern scientific researches and innovations*. 2011;(5):41. (In Russ.).
21. Xu Sh. Verbal signs of value preferences of modern woman (on material of marriage advertisements). *Nauchnyy dialog*. 2016;(11):110–120. (In Russ.).
22. Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Constructs of masculinity and femininity in gender representations of modern students. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(2):59–66. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-59-66](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-59-66).

23. Kasparova E. N., Skryhan G. V., Dunay V. I. Characteristic ratios of morphological and behavioral indicators of masculinity/ femininity depending on sports. *Forcipe*. 2020;3(3):19–24. (In Russ.).
24. Semak A. S. The relationship between gender identity and anxiety levels among university students. In: Psychological knowledge in the context of modernity: theory and practice: coll. of art. on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, 26-28 February 2016). Yoshkar-Ola: String; 2016. P. 144–149. (In Russ.).
25. Kanushkina E. O., Medvedeva S. A. A study of self-confidence in middle-aged women. *Modern Science*. 2021;(10-1):351–355. (In Russ.).
26. Volobuev V. V., Ryadinskaya E. N. Relationship of gender identity and narcissism. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*. 2022;5(3):6–17. (In Russ.). DOI [10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17](https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-3-6-17).
27. Retikh M. V. Androgynous gender-based identity of personality in terms of psychological compatibility of a married couple. *Izvestiya of Altai State University*. 2014;(2-2):67–71. (In Russ.). DOI [10.14258/izvasu\(2014\)2.2-11](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.2-11).
28. Selyunina A. N., Bondarenko E. V. The relationship between gender identity and professional orientation of students with different professional identity status. In: Actual issues of professional personality development: identity in the context of intercultural communication: col. of mater. of the International Psychological Forum (Samara, 25-26 April 2024). Samara: Moscow State Pedagogical University; 2024. P. 121–126. (In Russ.).

Received: 08.04.2025. Corrected: 21.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Maria P. Kitaeva, Doctor of Psychology, Candidate of Biological Sciences,
Moscow Institute of Psychology. Moscow, Russia.

kimape@mail.ru

ORCID: [0000-0002-1129-5989](https://orcid.org/0000-0002-1129-5989)